

Спасение Форсайта

1900¹

¹ Годы, указанные после названий повести и рассказов, отсылают читателя ко времени действия.

I

Суизин Форсайт лежал в постели. К двойному подбородку спускались уголки рта, скрытые под седыми усами. Отдуваясь, он пропыхтел:

— Доктор говорит, дела мои плохи, Джеймс.

Брат-близнец Суизина приставил к уху ладонь:

— Не слышу тебя. Мне советуют подлечиться. А от какого недуга — всегда найдется. Эмили уже подлечилась.

Суизин отвечал:

— Бормочешь себе под нос. Дворецкого своего, Адольфа, я прекрасно слышу. Он у меня вышколен... А тебе надо слуховым рожком обзавестись. Дряхлеешь день ото дня, Джеймс.

Наступило молчание; потом Джеймс Форсайт встрепенулся, будто от удара током, и заметил:

— Надо думать, завещание у тебя составлено. Денежные средства, полагаю, отписал родным; больше-то некому. Тут на днях Дэнсон умер — так он все сбережения какой-то лечебнице оставил.

Седые усы Суизина ошетинились.

— Мой доктор, болван этакий, советовал мне завещание оформить, — сказал он. — Не терплю разговоров на эту тему. Аппетит у меня отменный; вчера к ужину приказал куропатку подать. На сытый желудок мне определенно лучше. Да еще шампанское запретил! Но я же плотно завтракаю. Мне еще вось-

мидесяти нет. Тебе, кстати, тоже, Джеймс. А на вид совсем дряхлый.

Джеймс Форсайт проговорил:

— Хорошо бы тебе проконсультироваться у другого врача. Обратись к Блэнку — это самый высокий уровень. Я вызывал его к Эмили; не пожалел двух сотен гиней. Тот направил ее в Хомбург; это нынче самый высокий уровень. Даже принц там лечился... все только туда и ездят.

Суизин Форсайт отвечал:

— Бессонница одолела — на воздухе совсем не бываю, хотя новый экипаж купил... уйму денег отдал. У тебя бронхиты бывают? Мне талдычат, что шампанское вредно; а на мой взгляд, это целительное средство.

Джеймс Форсайт поднялся со стула.

— Надо бы тебе проконсультироваться у другого врача. Эмили велела кланяться; она бы тоже заглянула, но договорилась в «Ниагару» ехать. Все туда зачастили — это самый высокий уровень. Рэчел каждое утро там бывает: слишком усердствует — не слегла бы. Там сегодня вечером бал-маскарад: сам герцог будет вручать призы.

Суизин Форсайт в сердцах бросил:

— В собственном доме не могу добиться сносной еды; вот в клубе подают шпинат — совсем другое дело. — Постель дернулась от тремора его ног.

В ответ Джеймс Форсайт сказал:

— Ты, должно быть, неплохо поживился на Тинтосе; уйму денег огреб, не иначе. Да и земельная рента, наверное, столько тебе приносит, что складывать некуда. — Он произнес это так, словно у него потекли слюнки.

Суизин Форсайт испепелил его взглядом.

— Деньги, — бросил он. — А какие счета выставляет мой эскулап!

Джеймс Форсайт протянул ему холодную, влажную ладонь:

— Ну, будь здоров. Надо бы тебе проконсультироваться у другого врача. Я задерживаться не могу — там лошади ждут: новую пару купил, три сотни выложил. Береги себя. Замолвлю словечко Блэнку. Непременно к нему обратиться — все говорят, он лучший. Будь здоров!

Суизин Форсайт по-прежнему смотрел в потолок. И думал: «Ну и фрукт же ты, Джеймс! Конченный эгоист! У самого-то наверняка пара сот тысяч в кубышке имеется!» Он, сипя, предавался размышлениям о жизни...

Болезни, одиночество. Много лет одинок, два года болен; но как он выкурил свою первую сигару, так и проживет свою жизнь: решительно, до predetermined конца. Каждый день он садится в закрытый шарабан и с торжественным до нелепости видом, подавшись вперед и слегка покачиваясь на пружинных подушках, едет в клуб. Там, привычно опираясь на трость, поднимается по ступеням в знакомый мраморный холл; складки подбородка вклиниваются между уголками воротника. В установленный час — обед: ест он величественно, смакует каждое блюдо; в центре стола — бутылка шампанского в ведерке со льдом, жилет защищен салфеткой, глаза слегка блуждают или впиваются в официанта. Никогда не забывает прямо держать голову и спину — иное было бы ниже его достоинства.

По причине глухоты и старости он ни с кем не беседовал; да к нему никто и не обращался. Записной клубный сплетник, ирландец, сообщал каждому вновь

прибывшему: «Старина Форсайт! Вы только посмотрите! Видно, крепко стукнула его жизнь!» Но жизнь всегда была благосклонна к Суизину.

Даже сейчас, когда он уже много дней кряду прикован к постели, комната его, отделанная в серебристо-багряных тонах и залитая электрическим светом, хранит запахи камфары и сигар. Шторы задернуты, в камине мерцает огонь; на прикроватном столике — бутылка ячменной воды и номер «Таймс». Хотел было почитать, да не смог и вновь откинулся на подушки, чтобы погрузиться в раздумья. Лицо его с квадратным подбородком смахивает на блеклый кожаный лоскут, пристроченный к подушке. До чего же одиноко! Будь рядом с ним в этой комнате женщина, все сложилось бы иначе! Отчего же он не вступил в брак? Тяжело дыша, Суизин по-лягушачьи уставился в потолок; на память пришла одна история. Давно это было, сорок с лишним лет назад, а кажется, будто вчера...

В ту пору исполнилось ему тридцать восемь лет; впервые в жизни отправился он в путешествие по Европе вместе с братом-близнецом Джеймсом и неким субъектом по фамилии Трэкуэр. По пути из Германии в Венецию занесло их в зальцбургский отель «Золотые Альпы». Стоял конец августа, бархатный сезон: залитая солнечным светом кирпичная кладка и тени виноградных лоз, а по ночам — та же кирпичная кладка, только залитая лунным светом, и тени виноградных лоз. Не приемлющий чужих советов, Суизин отказался от экскурсии в крепость и провел весь день у себя в номере: устроившись на лоджии, курил сигару за сигарой и негодовал по поводу внешнего вида прохожих. После ужина скука погнала его на улицу. По-голубиному раздувая грудь, он вышагивал по тротуару, смотрел прямо перед собой пытливо-холодно-

ми бусинами голубиных глаз и с досадой примечал мелькавшую тут и там военную форму — на его взгляд, столь же ненужную, сколь и оскорбительную. Хандра только усиливалась в этой толпе чужаков, которые ходили небритыми, трещали на непонятном языке и курили скверный табак. «Ну и народ!» — думал он. Его вниманием завладела музыка, доносившаяся из какого-то кафе; он зашел в смутной надежде на приключение, но без тех передрыг, кои обычно приключениям сопутствуют; не иначе как после ужина вселился в него какой-то бес. На поверку это оказалось даже не кафе, а *bier-halle*¹ пятидесятих годов, с дверью в каждом торце и с громоздким деревянным фонарем. На небольшой эстраде пиликало трио скрипачей. За дюжиной столов поодиночке или компаниями сидели мужчины; по залу сновали официанты, подливая клиентам пиво; в воздухе висел густой табачный дым. Суизин занял свободное место. «Вина!» — сурово потребовал он. Ошеломленный кельнер принес вино. Суизин указал на стоявший перед ним высокий пивной стакан. «Сюда!» — все так же свирепо приказал он. Официант налил ему вина. «Вот так-то! — отметил про себя Суизин. — Понимают, если захотят». За соседним столом хохотали офицеры; Суизин тревожно поглядывал в их сторону. Тут кто-то гулко кашлянул почти ему в ухо. Сидевший слева посетитель читал журнал, поставив локти на уголки страниц и едва ли не по самые глаза втянув голову в костлявые плечи. Его отличали тонкий длинный нос, внезапно расширявшийся к ноздрям, и черно-рыжая борода, которая спускалась на грудь туземным опахалом; кожа на безволосых участках физиономии цветом напоминала

¹ Пивная (нем.).

древний пергамент. Станный, диковатый, надменного вида тип! С долей неприязни Суизин принялся изучать его костюм: не иначе как журналист или бродячий лицедей. А все же приковывает к себе внимание. Случай уникальный. Мыслимое ли дело: заинтересоваться субъектом в такой одежде? Незнакомец протянул руку, поросшую черными волосами, и поднял стакан с какой-то темной жидкостью. «Бренди!» — подумал Суизин. И вздрогнул от грохота упавшего стула: это его сосед поднялся со своего места. Исполинского роста, худой как жердь; окладистая борода будто бы выплескивается изо рта; испепеляя взглядом компанию офицеров, он заговорил. Суизин различил только два слова: «Hunde! Deutsche Hunde!»¹

Про себя он перевел: «Собаки! Датские собаки!» И мысленно добавил: «Сильно сказано!»

Один из офицеров вскочил со стула и обнажил саблю. Исполин рывком взметнул над головой стул и с грохотом опустил на пол. Все присутствующие повскакали с мест и взяли его в круг. Исполин выкрикнул: «Ко мне, мадьяры!»

Суизин усмехнулся. Он невольно восхищался этим рослым чужаком, явно рвавшимся в драку, и едва не бросился ему на помощь.

«Еще, чего доброго, нос расквасят!» — подумал он и огляделся в поисках возможного укрытия. Но в этот миг ему в челюсть угодил брошенный кем-то лимон. Выскочив из-за стола, Суизин ринулся в сторону офицерской компании. Наградой ему стал благодарный взгляд венгра, который уже размахивал стулом: Суизин даже просиял от краткого прилива самоуважения. И тут его плечо оцарапала чья-то сабля; он сразу же проникся неприязнью к венгру.

¹ «Собаки! Немецкие собаки!» (нем.)

Это уж слишком, решил он, схватил подвернувшийся под руку стул и запустил им в деревянный светильник. Раздался треск — лица и сабли куда-то делись. Он чиркнул спичкой и при слабом язычке пламени бросился к дверям. В следующий миг ноги уже вынесли его на улицу.

II

Чей-то голос произнес на английском:

— Храни тебя Господь, брат!

Оглянувшись, Суизин увидел, что ему протягивает руку исполин-венгр. Ответив на его рукопожатие, он подумал: «Ну и влип же я!» Своим жестом венгр словно говорил: «Ты меня достоин!»

Это вызывало досаду, но одновременно и впечатляло. Мужчина выглядел еще более рослым, чем казалось поначалу; на щеке у него была рана, из которой в бороду падали капли крови.

— Ты — из англичан! — воскликнул он. — Я видел, вы зашвыряли камнями Гайнау... я видел, вы приветствовали Кошута. Свободная кровь твоего народа взывает к нам. — Он посмотрел на Суизина в упор. — Ты большой человек, у тебя большая душа... и ты силен: как ты их раскидал! Ха!

Суизину вдруг захотелось пуститься наутек.

— Фамилия моя, — продолжал венгр, — Болешкеи. Ты мой друг. — По-английски он изъяснялся вполне сносно.

«Булыш-ке-и, Буляш-ке-и, — тренировался про себя Суизин, — язык сломаешь!»

— А моя, — хмуро проговорил он вслух, — Форсайт.

Венгр повторил за ним.

— У вас рассечена щека, — сообщил Суизин; его подташнивало от вида слипшейся бороды.

Венгр приложил пальцы к щеке, отвел в сторону мокрую от крови ладонь, пригляделся, а потом с равнодушным видом сгреб в горсть клочок бороды и заткнул им рану.

— Фу! — вырвалось у Суизина. — Вот, держите. Это мой носовой платок!

Венгр поклонился.

— Благодарю! — сказал он. — Я и подумать о таком не смел! Тысячу раз спасибо!

— Берите же! — прорычал Суизин, для которого это сейчас приобрело первостепенную важность.

Он сунул платок в руку венгру и ощутил боль в плече. «Еще не легче! — подумалось ему. — Мышцу потянул!»

Не обращая внимания на прохожих, венгр трещал без умолку:

— Свиньи! Как ты их расшвырял! Проломил два-три черепа, не иначе... трусливые свиньи!

— Послушайте! — внезапно прервал его Суизин. — Как мне добраться отсюда до «Золотых Альп»?

Венгр ответил:

— Но ты же идешь со мной выпить бокал вина?

Суизин уставился себе под ноги. «И в мыслях не было!» — подумал он.

— Так! — с достоинством изрек венгр. — Ты не хочешь моей дружбы!

«Обидчив, чертяка!» — подумал Суизин.

— Если вы так ставите вопрос, — забормотал он, — то я, конечно же...

Венгр, поклонившись, пробурчал извинение.

Не сделали они и десятка шагов, как с ними поравнялся молодой парень, безбородый, со впалыми щеками.

— Господа, ради всего святого, — заговорил он. — Помогите!

— Немец? — осведомился Болешкеи.

— Да, — ответил юноша.

— Чтоб ты сгнил!

— Хозяин, только взгляните! — Рывком распахнув пальто, юноша обнажил тело, перехваченное кожаным ремнем. И Суизина вновь охватило желание пуститься наутек. У него возникло жуткое предчувствие... ощущение неминуемой причастности к таким делам, какими не пристало заниматься джентльмену.

Венгр перекрестился.

— Брат, — обратился он к парню, — примыкай к нам!

Покосившись на обоих, Суизин все же поплелся следом. Ощупью поднявшись в потемках по какой-то лестнице, они попали в большую комнату, которую освещало сияние луны, проникавшее сюда через нависавший над улицей эркер. Фитиль масляной лампы был прикручен до предела; в воздухе плавали запахи спиртного и табака; к ним примешивался какой-то слабый, непривычный аромат — будто бы розового куста. В одном углу стояли цимбалы, в другом высились стопка газет. На стенах висели пистолеты старого образца и низка желтых молитвенных четок. Аккуратно расставленную мебель покрывал слой пыли. На столе подле очага виднелись остатки трапезы. Все поверхности — потолок, пол, стены — были обшиты темным деревом. Но, несмотря на всю эту дисгармонию, комнату отличала некая изысканность. Венгр достал из посудного шкафа бутылку, наполнил два бокала, один из них протянул Суизину. Суизин опасливо поднес его к носу. «Не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Рискну!» — подумал он и принялся медленно

вливать в себя содержимое бокала. В напиток, густом и приторном, обнаружился недурственный букет.

— Братья! — провозгласил венгр. — За ваши здорovia!

Юноша осушил свой бокал залпом. Суизин последовал его примеру; он уже проникся сочувствием к этому несчастному парнишке.

— Ты приходи завтра! — сказал он ему. — Дам тебе хотя бы пару сорочек.

Впрочем, когда юноша ушел, Суизин, к своему облегчению, сообразил, что не оставил ему адреса. «Это и к лучшему, — рассудил он. — Мошенник, не иначе».

— Что вы ему сказали? — обратился он к венгру.

— Я сказал вот что, — отвечал Болешкеи. — «Ты утолил голод и жажду, а теперь ты мне враг!»

— И это правильно! — поддакнул Суизин. — Так и есть! Побирושка — всем враг.

— Ты не понимаешь, — терпеливо пояснил венгр. — Пусть он нищ — мне тоже доводилось побираться, — (у Суизина в голове пронеслось: «Боже милостивый! Вот ужас-то!»), — но сейчас, когда ему не голодно, разве он более не германец? Ни один австрийский пес не будет марать полы в моем доме!

Ноздри его, как показалось Суизину, раздулись до немыслимой величины, а в голосе прорезалась совершенно избыточная угроза.

— Я сам — изгнанник... вся моя родня — изгнанники. А эти безбожные псы!..

Суизин поспешил согласиться.

Во время их разговора в дверях появилось чье-то лицо.

— Ружа! — обрадовался венгр.

В комнату вошла девушка. Невысокого роста, восхитительно пухленькая, с толстой косой. Улыбка обна-

жила ее ровные зубки; она переводила взгляд небольших, но ярких, широко посаженных серых глаз с одного мужчины на другого. На круглом личике цвета дикой розы выделялись брови с приподнятыми уголками. Тревожным жестом приложив ладонь к щеке, она позвала:

— Маргит!

Появилась еще одна девушка, повыше ростом, большеглазая, с пышными плечами, прелестными губками и, как впоследствии говорил себе Суизин, «сладким» носиком. Тихонько воркуя, девушки занялись отцовым лицом. Суизин отвернулся. У него ныло плечо.

«Вот что получается, когда суешься куда не следует, — мрачно думал он. — Мне и самому едва шею не свернули!»

Внезапно ему в ладонь легла нежная рука; на него был устремлен отчасти смущенный, отчасти любопытный взгляд; а потом чей-то голос окликнул: «Ружа!»; хлопнула дверь, и он, поеживаясь от смутного беспокойства, вновь остался наедине с венгром.

— Вашу дочь зовут Роза? — уточнил он. — У нас в Англии часто встречается такое имя — по названию цветка розы.

— Ружа, — поправил венгр. — Английский ваш — трудный язык, труднее французского, немецкого и чешского, даже труднее русского с румынским — другими не владею.

— Что? — поразился Суизин. — Вы знаете шесть языков?

А про себя добавил: «Может, и не знает, но врет складно».

— Ты поживи с мое на чужбине, — сказал венгр, — где все против тебя! Свободный народ... умирает... но еще жив!

Суизин не мог взять в толк, о чем идет речь. Наполовину скрытое льняной повязкой лицо этого человека, его угрюмый взгляд, клочковатая борода, гулкий кашель — все это вызывало крайнюю неприязнь. Кажалось, будто душа у него искусана собаками. Да вдобавок все его эмоции, неконтролируемые, неприкрытые, были отмечены печатью бесстыдства, из-за чего их явная искренность вызывала у Суизина нечто вроде благоговейного страха. Можно было подумать, его заставили смотреть в плавильную печь.

Болезкеи прекратил рассказывать туда-обратно.

— Думаешь, на этом все? — спросил он. — Говорю же тебе: в груди каждого мадьяра бушует адское пламя. Что слаще самой жизни? Что святее любого нашего вздоха? Да вот что: моя отчизна!

Эти слова были произнесены с таким нажимом, с такой неизбывной скорбью, что у Суизина отвисла челюсть; он не придумал ничего лучше, кроме как превратить гримасу в зевок.

— Скажи мне, — продолжал Болезкеи, — что бы ты стал делать, если б вас завоевали французы?

Суизин ухмыльнулся. А потом внезапно, словно это его задело, выпалил:

— Кто, лягушатники? Пусть попробуют!

— Пей! — предложил Болезкеи. — Только это и спасает. — Он наполнил бокал Суизина. — Я поведаю тебе свою историю.

Суизин торопливо вскочил со стула.

— Время позднее, — сказал он. — Вино, впрочем, неплохое; у вас большие запасы?

— Это последняя бутылка.

— Вот как? — удивился Суизин. — И вы наливали из нее нищему?

— Я — Болезкеи... Иштван, — вскинув голову, ответил венгр. — Из коморнских Болезкеи.

СОДЕРЖАНИЕ

СПАСЕНИЕ ФОРСАЙТА

Перевод Е. Петровой 5

НА ФОРСАЙТСКОЙ БИРЖЕ

Предисловие. *Перевод Е. Петровой* 61

Пряжки гордого Доссета. *Перевод Е. Петровой* 63

Зыбучие пески времени. *Перевод О. Холмской* 77

Маленькое путешествие Эстер

Перевод Е. Петровой 88

Тимоти на волосок от гибели. *Перевод О. Холмской* 99

Роман тети Джули. *Перевод О. Холмской* 116

Nicolas-Rex. *Перевод М. Лорие* 128

Грустная история. *Перевод Е. Петровой* 142

Бунт в доме Роджера. *Перевод Е. Петровой* 159

Как Джун подобрала свою первую «несчастненькую»

Перевод Е. Петровой 172

Собака у Тимоти. *Перевод О. Холмской* 182

Безумство в летнюю ночь. *Перевод Е. Петровой* 206

Хондекутер. *Перевод О. Холмской* 213

Крик павлина. *Перевод Д. Жукова* 228

Фрэнси и заезжий прощелыга

Перевод Е. Петровой 234

Форсайт четверкой. *Перевод О. Холмской* 251

Оплошности Туитимена. <i>Перевод Е. Петровой</i>	263
Два Дромио. <i>Перевод Е. Петровой</i>	275
Как Форсайт соприкоснулся с народом <i>Перевод Е. Петровой</i>	284
Сомс и Англия. <i>Перевод М. Лорие</i>	297
Примечания. 3. Смоленская	334